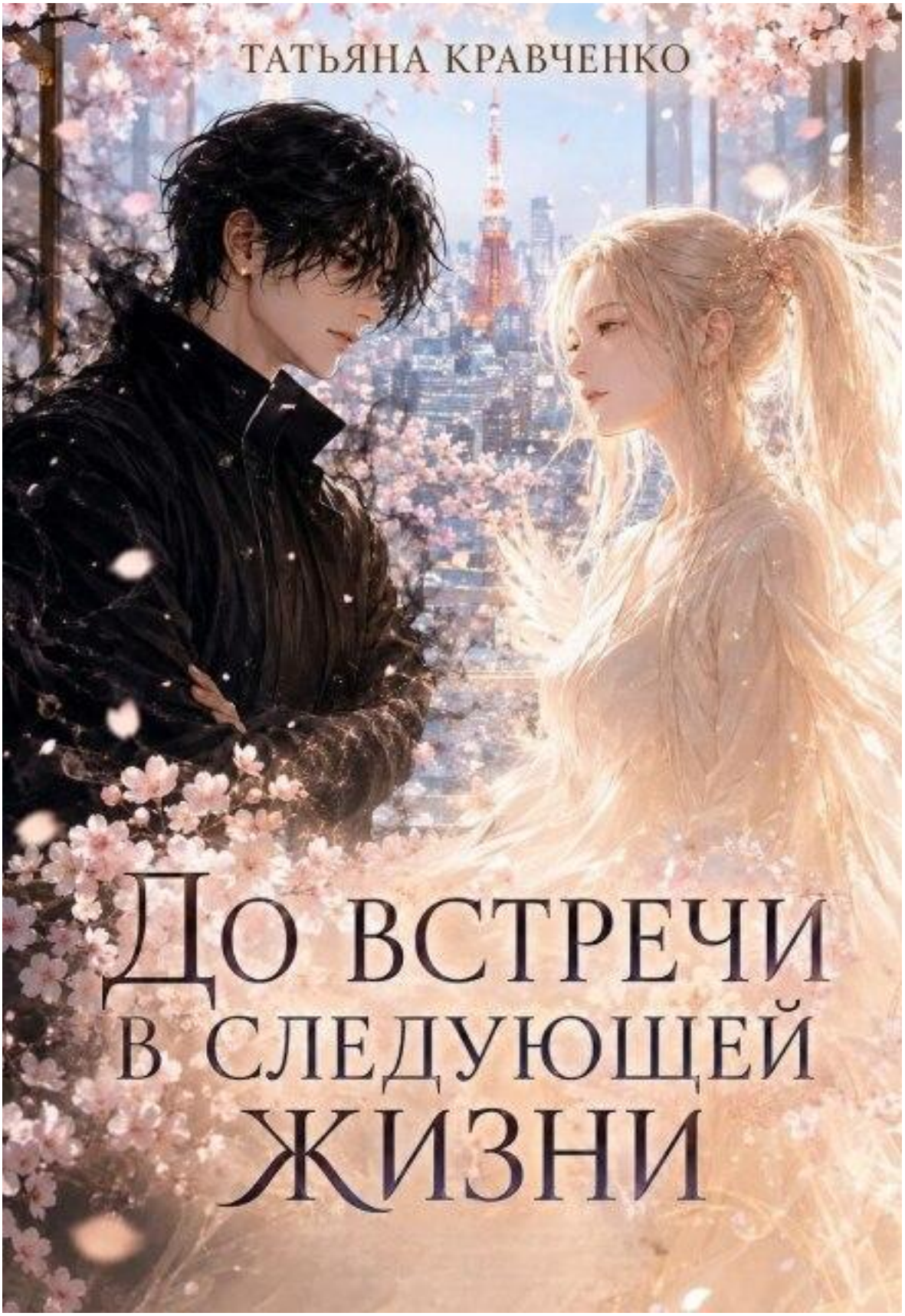

ТАТЬЯНА КРАВЧЕНКО
До встречи в следующей жизни

Татьяна Кравченко

До встречи в следующей жизни

«Литнет»

2026

Кравченко Т.

До встречи в следующей жизни / Т. Кравченко — «Литнет», 2026

Когда рождается ребёнок, первое слово родителей решает его судьбу. Доброе — и за плечом возникает Хранитель Света. Злое — и из тени выходит Тёмный Проводник.Но что будет, если мать и отец заговорят одновременно — и одно слово окажется проклятием, а другое благословением?На плечах маленькой Коёми встретились двое: Хана — Хранитель Света, и Рэй — Тёмный Проводник. Им суждено быть врагами. Но год за годом, ведя одну душу через детство, школу и потери, они сами не заметят, как злоба превратится в симпатию, споры — в заботу, а невозможность коснуться друг друга станет самой мучительной пыткой.История о хрупких чувствах, цветущей сакуре и клятве, которая сильнее смерти. Они обещали найти друг друга в следующей жизни. Но что, если перерождение стирает всё? Что, если они встретятся — и не узнают?

© Кравченко Т., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Слово как печать 5
Глава 2. Перекрёсток 10
Глава 3. Трещина 19
Глава 4. Прятки в песочнице 27
Г 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Глава 1. Слово как печать

В тот час, когда за окнами родильной палаты занимался рассвет, мир ещё не знал, что баланс Света и Тени только что дал микроскопическую трещину.

Роддом номер семь в западном районе Токио дышал влажным апрельским воздухом. Утро только-только начинало разбавлять серую хмарь розоватой акварелью. Ветер трепал макушку старой сакуры, что росла вплотную к больничной стене, и самые нетерпеливые бутоны уже лопались, выпуская наружу бледно-розовые лепестки.

Один такой лепесток оторвался, перевернулся в воздухе и прилип к стеклу палаты номер четыре — словно сама весна пыталась заглянуть внутрь.

Но внутри было не до весны. Женщина по имени Юки, тридцати двух лет, с мокрыми от пота волосами, прилипшими к вискам, переживала последние схватки. Её муж, Хироши, стоял рядом, белый как больничный халат, и сжимал её ладонь с такой силой, будто пытался перелить в неё всю свою жизнь.

— Ещё немного, Юки-сан, — голос акушерки был спокойным. — Ещё одно усилие. Вы сможете.

Юки зажмурилась. В висках стучало. Боль была уже не физической — она превратилась в какой-то сплошной гул, в котором исчезли все мысли, кроме одной: «Только бы с ней всё было хорошо».

Хироши наклонился к её уху и прошептал.

— Ты справишься… Я здесь. Я рядом.

Их голоса — его, полный тихой паники и нежности, и её, сорванный криком, — ещё не знали, что через несколько мгновений произнесут слова, которые разорвут ткань обыденности и вызовут к жизни силы, дремавшие по ту сторону человеческого восприятия.

Потому что в мире, где рождаются дети, первое слово, сказанное родителями, — это не просто звук. Это печать. Это приглашение. Это выбор спутника, который пройдёт с ребёнком от первой улыбки до последнего вздоха.

Последнее усилие — и тело Юки выгнулось дугой. Пуповина была пережата. А потом наступила та самая, оглушительная тишина, которая всегда предшествует первому крику новорождённого.

И он раздался. Тонкий, требовательный, возмущённый — крик существа, которое ещё секунду назад находилось в тепле и темноте, а теперь оказалось под яркими лампами, в мире резких запахов и чужих рук.

Акушерка быстро обтёрла младенца пелёнкой, проверила рефлексы и с привычной осторожностью подняла свёрток на уровень материнских глаз.

— Девочка, — сказала она. — Здоровая. Три триста.

И в этот самый момент мир замер. Не в переносном смысле — в буквальном. На долю секунды, невидимую для приборов и незаметную для людей, время остановилось.

Пылинка в солнечном луче, просочившемся сквозь неплотно задёрнутые шторы, замерла в воздухе.

Лепесток сакуры за окном перестал кружиться.

Даже сердцебиение Юки, зафиксированное монитором, пропустило один такт.

А потом мать посмотрела на дочь. Лицо Юки — бледное, обессиленное, с размазанной тушью под глазами — дрогнуло. Она ожидала увидеть ангела. Пухлые щёчки, золотистый пушок на макушке, безмятежную улыбку, которую показывают в рекламе подгузников. А увидела сморщенное, красноватое личико с припухшими веками и спутанными тёмными волосиками, прилипшими ко лбу.

Усталость. Гормоны. Шок. Всё это смешалось в одно мгновение, и прежде чем сознание успело остановить язык, губы Юки произнесли — тихо, но отчётливо.

— Какая она… страшненькая.

Её голос был слабым. Но в тот же миг температура в палате упала на пару градусов. Юки вздрогнула от внезапного холодка, пробежавшего по позвоночнику, и подумала, что это просто сквозняк.

А Хироши ничего не заметил. Он смотрел на дочь. Смотрел с восторгом, благоговением и крошечной долей страха перед чудом. Его губы расплылись в глупой, счастливой улыбке, и он выдохнул, перебивая жену, сам того не желая.

— Что за чудо…

Вот так — одновременно, внахлёст, почти в унисон — в мир вошли два слова.

Презрение и восхищение.

Холод и тепло.

Проклятие и благословение.

И паутина реальности лопнула. Никто из присутствующих не увидел, как пространство у правого плеча новорождённой начало сгущаться.

Сначала это было просто тёмное пятно, похожее на дефект зрения — как будто долго смотрел на свет, а потом перевёл взгляд. Но пятно росло, обретало форму, и вскоре из самой густой, непроницаемой тени была соткана фигура. Он появился бесшумно. Даже воздух не колыхнулся. Только холод стал сильнее.

Это был юноша — на вид не старше двадцати пяти, но с глазами, которые видели столетия. Чёрные, гладкие, как агат, волосы спадали на лоб неровной чёлкой, скрывающей одну бровь. Одет он был в китель угольно-чёрного цвета, который поглощал свет. Вокруг его фигуры вилась едва заметная дымка, словно он только что вышел из пожара и ещё не остыл.

Он парил в нескольких сантиметрах над полом, неподвижный, как статуя. А потом перевёл взгляд на младенца и ухмыльнулся. Ухмылка была не злой — скорее, азартной. Так улыбается игрок, которому выпала выигрышная карта.

— Ну что ж, — произнёс он вполголоса. — Будем знакомы, малявка. Мы с тобой покажем этому миру…

Он не успел договорить. Потому что в метре от него, у левого плеча девочки, начал разгораться свет. Мягкий, тёплый, золотисто-медовый — такой свет бывает в час заката, когда солнце уже коснулось горизонта и весь мир на несколько минут становится уютным и невесомым. Свет уплотнялся, собирался в складки, пока не превратился в фигуру. Она появилась так же беззвучно, как и он.

Девушка. Почти ровесница ему внешне, но совершенно иная по сути. Длинные светлые волосы, заплетённые в хвост, струились вниз и заканчивались где-то ниже пояса. Пряди светились изнутри, будто каждая была пропитана жидким мёдом. Глаза — цвета чая с молоком — смотрели на мир с нежностью. Одежда — простое, струящееся платье кремового оттенка, без украшений, без единого шва. За её спиной едва заметно трепетали полупрозрачные очертания крыльев.

Она улыбалась, и от неё исходило такое спокойствие, что любой человек, окажись он рядом, немедленно забыл бы о своих тревогах.

Юноша в чёрном скосил на неё взгляд, и его ухмылка стала шире.

— О, — протянул он, скрещивая руки на груди. — Здесь, Светлая? Смотрю, по мою душу прислали скукотищу в белом.

Девушка его не услышала. Всё её внимание было поглощено крохотным человечком, что спал на руках у матери, не подозревая, что его плечи только что стали полем битвы двух миров.

Хранительница Света медленно склонилась над младенцем. Её светлые волосы качнулись вперёд, почти касаясь щёчки девочки, и в этом прикосновении было больше любви, чем во всех словах мира.

— Какая ты красивая, — зашептала она, и в её голосе звенели невидимые колокольчики. — Какая ты прекрасная… Посмотри только.

Она легонько, одними кончиками пальцев, коснулась лобика новорождённой. И там, где её кожа соприкоснулась с кожей младенца, вспыхнула крошечная золотая точка. Мгновение — и она погасла, но что-то неуловимо изменилось. Будто внутри ребёнка зажглась крохотная искорка.

— Я вижу тебя, — продолжала она свой тихий монолог, не обращая внимания на чёрную фигуру, что маячила за её плечом. — Ты будешь приносить домой хорошие оценки. Не пятёрки, нет — но те, что заработаны честным трудом. Ты будешь стараться. Ты будешь падать и подниматься. Я вижу твои руки — сильные, уверенные. Они будут держать скальпель. Ты станешь врачом. Прекрасным врачом, который дарит людям жизнь так же, как жизнь подарили сегодня тебе. Я обещаю тебе это. Я буду рядом. Всегда.

Она говорила, и каждое слово ложилось на душу младенца невидимой печатью. Это не было предсказанием в обычном смысле. Это была настройка пути: мягкая, бережная, но неумолимая, как течение реки. Ребёнок, получивший такое напутствие, вырастет с внутренним компасом, который всегда будет указывать на свет.

Но договорить она не успела. Потому что в тот самый момент, когда последнее слово слетело с её губ, палату пронзил холод. Не тот лёгкий сквознячок, что заставил Юки поёжиться минутой ранее. Настоящий, могильный холод — такой, от которого на стёклах выступает иней, а дыхание превращается в облачко пара.

Хранительница Света вздрогнула и инстинктивно прижала руки к груди. И тут же услышала смех. Смех был противным — нет, не злым, не демоническим, а именно противным. Таким смеётся школьный хулиган с последней парты, когда подкладывает кнопку на стул учителя. Высокий, скрипучий, полный издёвки и азарта. От этого смеха хотелось зажать уши.

— Ох, бла-бла-бла, — протянул с ухмылкой голосок. — Светлое будущее, скальпельчики, мамочка будет гордиться… Какая прелесть! А теперь послушай сюда, детка.

Хранительница Света резко обернулась, прижимая к себе невидимые крылья. Её глаза расширились от того, что она увидела. У правого плеча младенца, точь-в-точь напротив неё, прямо в воздухе, сидел он. Тёмный Проводник, демон-хранитель, дух, сотканный из неосторожного слова матери. Он устроился по-хозяйски, закинув ногу на ногу, и теперь смотрел на свою подопечную с выражением полнейшего торжества.

Он был красив, но его красота пугала. Слишком холодная, слишком опасная. Черты лица — острые, резкие, но при этом гармоничные. Кожа бледная, почти фарфоровая, а на губах играла азартная ухмылка, от которой веяло неприятностями. Вокруг его пальцев вилась тонкая струйка дыма — не сигаретного, а какого-то потустороннего, пахнущего дождём и палёным сахаром.

— Запомни, малышка, — сказал он, наклоняясь к уху спящей девочки. Его голос теперь звучал вкрадчиво, почти ласково, но от этой ласки мурашки бежали табунами. — Мы с тобой покажем этому миру, где раки зимуют. Зачем тебе этот скучный скальпель? Скукотища. Ты у нас будешь королевой. Такой, что все эти правильные девочки в очереди выстроятся, чтобы поплакаться тебе в жилетку. А ты будешь стоять и улыбаться. Потому что ты — особенная. Потому что у тебя есть я.

Он на секунду замолчал и бросил быстрый, колючий взгляд на Хранительницу Света.

— И никакая зануда с крылышками нам не помешает. Верно, Светлая?

Девушка выпрямилась. Её лицо оставалось спокойным, но в глубине чайных глаз зажёгся огонёк — не гнева, нет, а твёрдой, несгибаемой воли. Она впервые за всё время посмотрела прямо на него.

— Её судьба не игрушка, — сказала она.

— Ой, да брось, — отмахнулся он, болтая ногой в воздухе. — Судьба… Слова, слова, слова. Я смотрю на факты. Её мать только что назвала её «страшненькой». Не «чудом», не «прекрасной» — «страшненькой». А папаша, да, ляпнул что-то доброе. Ну и имеем то, что имеем: перекрёсток. Ты и я. И, как ни крути, я здесь по праву.

Хранительница Света промолчала. Возразить было нечего. Закон баланса неумолим: злое слово призывает тёмную сущность, доброе — светлую. И если прозвучали оба одновременно — быть ребёнку меж двух огней. Такое случалось редко, но случалось. И каждый раз это значило одно: борьбу. Борьбу за каждый поступок, за каждую мысль, за каждый выбор.

— Меня зовут Хана, — вдруг спокойно произнесла девушка. — Хранитель Света двенадцатого уровня. Я провожу души к перерождению. Это моё последнее задание.

Тёмный Проводник на мгновение замер. Потом издал короткий смешок и театрально поклонился.

— Рэй, — представился он. — Тёмный Проводник десятого круга. И это тоже моё последнее задание. Какое совпадение, а?

Их взгляды встретились. В палате повисла тишина — такая глубокая, что слышно было, как в венах матери течёт кровь, а в лёгких младенца расправляются альвеолы.

Хана смотрела на Рэя, и в её взгляде не было страха. Было что-то другое. Удивление? Любопытство? Или, может быть, крошечный, ещё не осознанный проблеск того, чему пока нет названия?

Она видела перед собой не просто врага. В его чёрных глазах, окружённых тенями, теплилась искра — та же искра, что горела в её собственной груди. Искра одиночества. Последний путь, последняя душа, последний шанс заслужить покой.

А Рэй смотрел на неё и думал, что никогда ещё не встречал Хранителей Света, которые не боялись бы его. Эта смотрела прямо, с вызовом, и в её глазах плясали золотые чёрточки. Раздражало. Притягивало. Он отвёл взгляд первым. Отвернулся к окну, за которым сакура роняла лепестки на мокрый асфальт.

— Ладно, — буркнул он. — Философствовать будем потом. Девочка просыпается.

И действительно, громкий плач прорезал тишину. Юки, превозмогая усталость, прижала дочь к груди, и та, почувствовав тепло, постепенно затихла. Хироши гладил жену по голове и улыбался, ещё не зная, что его слово «чудо» уже вплелось в судьбу ребёнка золотой нитью.

— Коёми, — прошептала Юки, глядя на дочь. — Мы назовём её Коёми.

— Коёми, — повторил Хироши, кивая. — Красивое имя.

Хана улыбнулась. Рэй закатил глаза, но промолчал.

Младенец открыл глаза. Тёмные, блестящие, ничего ещё не осознающие, но уже способные улавливать тени и свет. И в этих глазах на долю секунды отразились две фигуры: одна — сотканная из закатного солнца, вторая — из безлунной ночи.

А потом Коёми зевнула и уснула.

За окном апрельский ветер в последний раз тряхнул ветку сакуры, осыпая стекло дождём из лепестков. Некоторые прилипли к стеклу, некоторые упали вниз, на мокрый асфальт.

И никто из проходящих мимо больницы не знал, что в палате номер четыре только что началась история, которая продлится дольше одной человеческой жизни. История о хрупких, красивых, настоящих чувствах. История о любви, которую можно выразить одним взглядом. История, в которой ангел и демон поклянутся найти друг друга даже сквозь пелену перерождений.

Но это всё будет потом. А пока у плеча спящей девочки стояли двое и смотрели в разные стороны. Один — в будущее, полное огней и соблазнов. Другая — в ту же точку, но видя в ней свет.

Они ещё не знали, что их спор скоро превратится в симфонию. Что они будут спорить, спотыкаться, защищать друг друга и однажды, стоя под опадающей сакурой, произнесут слова, которые нельзя забрать назад.

Пока же был только холодный апрель, запах больницы и тихий голос матери, которая, сама того не ведая, подарила дочери и ад, и рай в одном флаконе. И крошечная искра, вспыхнувшая между теми, кому, по всем законам, полагалось быть врагами.

Глава 2. Перекрёсток

Домой они приехали на пятый день. Юки внесла Коёми в квартиру на руках. Хироши суетился вокруг неё: поправил подушку на диване, пододвинул тапочки, проверил, не дует ли из окна.

Квартира встретила их запахом риса и детской присыпки. Всё было готово к прибытию нового человека — крошечного, но уже такого важного.

— Ну вот, Коёми, — прошептала Юки, укладывая дочь в кроватку, которую Хироши сам собрал. — Это твой дом. Здесь ты будешь жить. Здесь ты вырастешь.

Коёми спала. Она не знала, что помимо родителей в эту квартиру только что вошли ещё двое. Те, кого люди не видят. Те, кто отныне будет стоять за её плечами каждую минуту.

Хана парила у левого плеча девочки и с интересом оглядывала детскую. Белые стены, мобиль с разноцветными зверюшками, стопка пелёнок на комоде, крошечные носочки, связанные бабушкой. Всё дышало заботой и ожиданием чуда.

Рэй стоял в противоположном углу, скрестив руки, и скептически разглядывал мобиль.

— Кролики, — констатировал он. — Розовые. С бантиками. Какая пошлость.

— Это не кролики, — возразила Хана. — Это зайцы.

— Зайцы, кролики — какая разница? Они розовые. С бантиками.

— Тебе-то что? Ты всё равно не видишь цветов, ты из Тьмы.

— Я вижу цвета. Просто они мне не нравятся.

— А что тебе нравится?

— Чёрный. Серый. Иногда тёмно-фиолетовый.

— Тёмно-фиолетовый — это почти розовый, — заметила Хана.

Рэй поперхнулся.

— Что?! Тёмно-фиолетовый — это не розовый! Это совсем другое! Это цвет грозового неба! Цвет бездны! Цвет…

— Цвет бантика на зайце, — закончила Хана и улыбнулась.

Рэй закатил глаза. Хана мысленно поздравила себя с первой маленькой победой. Она не знала, что это только начало войны.

Война началась на следующее утро.

Коёми проснулась в шесть. Юки, измученная ночными кормлениями, ещё спала — и Хана, пользуясь моментом, послала девочке тёплую волну. «Ты в безопасности. Ты любима. Всё хорошо».

Коёми зевнула. Её личико разгладилось. Она уже почти снова заснула, когда Рэй, возникший из тени за кроваткой, наклонился к её уху и прошептал:

— Скучно спать. Давай лучше разбудим маму. Она так сладко спит. Давай покричим.

И Коёми закричала. Юки подскочила как ошпаренная. Через минуту она уже укачивала дочь на руках, бормоча что-то успокаивающее, а Хана, стиснув зубы, повернулась к Рэю.

— Зачем?!

— Что «зачем»? — он сделал невинное лицо.

— Ты специально её разбудил! Она только успокоилась!

— Я не специально. Я просто предложил. Она сама выбрала.

— Она младенец! Она не выбирает! Она реагирует на твой голос!

— Значит, мой голос ей нравится больше, — он пожал плечами. — Ничего не могу поделать. Харизма.

— Какая харизма?! Ты…

— Тише, Светлая. Коёми спит.

Хана прикусила язык. Это был первый раунд. За ним последовал второй.

Через несколько часов, когда Коёми уже бодрствовала и лежала в кроватке, разглядывая мобиль, Хана тихо внушала ей: «Смотри, какие красивые зайцы. Они кружатся. Это так успокаивает. Мир полон красоты».

— Мир полон скуки, — тут же встрял Рэй с другой стороны. — Зайцы дурацкие. А вот если бы они взорвались — это было бы интересно. Представь: бах! И розовые бантики летят во все стороны.

Коёми нахмурилась. Её бровки сошлись к переносице — смешно и трогательно. Она не понимала слов, но интонацию чувствовала прекрасно. Тёплый голос Ханы и холодный, насмешливый голос Рэя сталкивались в её сознании, как две волны, идущие навстречу друг другу, и от этого столкновения рождалась тревога.

— Зачем ты портишь всё, что я делаю? — спросила Хана, стараясь сохранять спокойствие.

— Я не порчу. Я дополняю. Ты даёшь ей сладкое, я — соль. Вместе — гармония.

— Это не гармония, это хаос!

— Хаос — это тоже гармония. Просто динамическая.

— Ты невыносим.

— Спасибо. Я стараюсь.

Так продолжалось изо дня в день, из ночи в ночь. Они спорили из-за каждой мелочи: какую пелёнку выбрать — Хана предлагала «ту, что мягче, Рэй «ту, что с характером», как укладывать Коёми спать — Хана «с колыбельной», Рэй «пусть сама засыпает, характер закаляется», нужно ли брать её на руки, когда она плачет — Хана «обязательно», Рэй «нечего потакать капризам, она просто проверяет границы».

— Ей ещё и месяца нет! — возмущалась Хана. — Какие границы? Она не знает слова «границы»!

— Вот и пусть узнаёт. Чем раньше — тем лучше.

— Ты чудовище.

— Я Тёмный Проводник. Это почти одно и то же.

И каждый раз, когда их голоса перекрещивались над кроваткой, Коёми начинала плакать. Не просто хныкала — кричала, захлёбывалась, дрожала.

Юки не понимала, что с дочерью. Она носила её на руках, пела, укачивала, вызывала педиатра, но педиатр только разводил руками: «Здорова. Нервная? Бывает. Пройдёт». Но не проходило. Коёми становилось хуже.

На четвёртую неделю Юки сломалась. Это случилось под утро. Коёми не спала уже четыре часа — с двух ночи до шести. Она плакала, замолкала на минуту, снова плакала, и этот ритм сводил с ума. Хироши уехал на работу ещё затемно — у него была важная встреча, — и Юки осталась одна.

Хана видела, как она ходит по комнате, прижимая дочь к груди. Видела, как дрожат её руки. Видела, как она шепчет: «Ну пожалуйста, ну успокойся, ну что тебе нужно, я не понимаю, я не понимаю…»

А потом Коёми закричала снова — громко, пронзительно, — и Юки не выдержала.

— Да замолчи ты! — крикнула она и тут же осеклась, прижав ладонь ко рту.

Коёми замолчала. На секунду. А потом заплакала ещё громче — теперь уже не от внутреннего разлада, а от страха. Она услышала гнев в голосе матери и испугалась. Юки опустилась на пол, прижимая дочь к груди, и заплакала вместе с ней.

Первый месяц дома превратился в ад. Юки не высыпалась, худела, глаза ввалились, и Хироши с тревогой смотрел на жену, не зная, чем помочь.

Коёми спала урывками — по полчаса, по часу, — а остальное время кричала. Квартира наполнилась запахом валерьянки и детской присыпки, смешанным в какую-то удушающую смесь.

Хана чувствовала себя беспомощной. Она делала всё, что могла: посылала Коёми тепло, успокаивала, внушала покой. Но Рэй каждый раз перебивал её — не со зла, а по инерции, по привычке, по своей дурацкой природе, — и всё начиналось заново.

Однажды ночью, когда Коёми в очередной раз проснулась с криком, Хана сорвалась.

— Хватит! — крикнула она, и её свет вспыхнул так ярко, что Рэй на мгновение отступил. — Ты видишь, что ты делаешь? Ты видишь?!

— Я ничего не…

— Ты мучаешь её! Ты мучаешь их всех! Посмотри на Юки — она не спит уже месяц! Посмотри на Коёми — она кричит, потому что не понимает, что с ней! И это из-за нас! Из-за тебя!

Рэй молчал. Его лицо было непроницаемым. Но тени вокруг него колыхались — неуверенно, почти виновато.

— Я не хотел, — сказал он наконец. — Я просто…

— Ты просто делаешь свою работу. Я знаю. Но твоя работа убивает её.

— Не убивает.

— Доводит до истерики. До бессонницы. До того, что мать срывается на неё, а потом плачет от чувства вины. Посмотри, Рэй. Просто посмотри.

Он посмотрел. Коёми лежала на руках у Юки — красная от плача, с прилипшими ко лбу тёмными волосиками. Она ещё вздрагивала от затихающих рыданий, но крик уже смолк — не потому, что ей стало лучше, а потому, что кончились силы.

Юки беззвучно плакала, уткнувшись носом в макушку дочери. Хироши стоял в дверях, и его лицо было серым от усталости и бессилия.

Рэй долго смотрел на эту сцену. Потом отвернулся.

Хана решила попробовать новую тактику. Не перемирие — Рэй не умел соблюдать перемирия. Не договор — он нарушил бы его при первой же скуке. Она попробовала другое: молчание.

Пока Хана училась не отвечать, Юки училась быть матерью. И тем утром ей показалось, что она нашла решение. Измученная бессонными ночами и непрекращающимся плачем дочери, она решила, что, возможно, Коёми не наедается одним молоком. Педиатр советовал подождать до четырёх месяцев, но Юки была в отчаянии — ей казалось, что если она найдёт правильную еду, дочь наконец успокоится и заснёт.

Она сварила жидкую рисовую кашу — самую простую, без соли и сахара. Каша получилась водянистой, почти как молоко, но с лёгким сладковатым запахом. Юки зачерпнула крошечную ложечку, подула на неё и кивнула Хироши.

— Давай попробуем. Держи её.

Хироши сидел на диване, прижимая Коёми к груди. Девочка лежала у него на руках — крошечная, завёрнутая в мягкое одеяло.

Юки поднесла ложечку к её губам.

— Ну давай, Коёми. Это вкусно. Попробуй.

— Полезно, — прошептала Хана с левого плеча. — Это поможет тебе вырасти большой и сильной. Попробуй, малышка.

Коёми неуверенно приоткрыла рот. Ложечка скользнула внутрь. Девочка замерла, пробуя незнакомую субстанцию. Её личико сморщилось — не от отвращения, а от удивления.

— Полезно? — тут же встрял Рэй с правого плеча. — Ты посмотри на эту субстанцию, малявка. Это же не еда. Это разведённая штукатурка. Ей стены ремонтировать, а не кормить младенцев. Ты когда-нибудь видела, как пахнет штукатурка? Примерно так же. Твой папа держит тебя на руках, а твоя мама пытается накормить тебя стройматериалом. Запомни этот момент. Когда вырастешь — будешь рассказывать психотерапевту.

Хана сжала зубы, но ничего не сказала.

Коёми, услышав насмешливую интонацию Рэя, скривилась и вытолкнула кашу языком обратно. Белая лужица растеклась по подбородку. Юки торопливо вытерла её салфеткой.

— Ну пожалуйста, Коёми. Ещё одну ложечку.

— Не хочет — не надо, — продолжал Рэй, разваливаясь в воздухе. — Правильно, малявка. Отстаивай свои границы. Штукатурку пусть сами едят. Требуй десерт. Торт, например. Или мороженое.

— Это рисовая каша, а не штукатурка, — тихо сказала Хана, не глядя на него. Она обращалась не к нему — к Коёми, посылая ей волну тепла. — Она вкусная. Твоя мама старалась. Попробуй ещё раз, и ты увидишь.

Коёми снова покосилась на ложку. Тепло Ханы окутало её, успокаивая. Хироши чуть покачал дочь на руках, и девочка, поколебавшись, снова открыла рот. Каша скользнула внутрь. Коёми замерла. Проглотила. И не заплакала.

— Вот видишь! — просияла Хана. — Ей нравится!

Рэй фыркнул.

— Ладно, один-ноль. Но это только первый раунд, Светлая.

Хана промолчала и послала ещё одну волну тепла — на этот раз не девочке, а её матери, которая так отчаянно пыталась быть хорошей.

— Эй, — Рэй наклонился ближе, пытаясь поймать взгляд Ханы. — Ты что, оглохла? Я сказал: первый раунд. Это значит, что я признаю твою временную победу и предупреждаю о грядущем реванше. Ты должна была возмутиться. Сказать что-нибудь вроде «Никакого реванша не будет, потому что это не игра». Где твоя предсказуемость?

Хана спокойно наблюдала за тем, как Юки вытирает Коёми подбородок, и ничего не ответила.

Рэй моргнул.

— Ладно. Игнорируешь. Я понял. Долго ты так не продержишься.

Через три дня после инцидента с кашей, Юки надела новые серёжки — подарок Хироши на первую годовщину свадьбы. Они были серебряные, с крошечными жемчужинами, которые покачивались при каждом движении и ловили свет. Юки склонилась над кроваткой, чтобы взять Коёми на руки, и серёжки закачались прямо перед лицом девочки.

Коёми заворожённо уставилась на них. Маленькие, блестящие — это было лучшее, что она видела за всю свою короткую жизнь.

— Красивые, правда? — прошептала Хана. — Это мамины серёжки. Когда ты вырастешь, у тебя тоже будут такие.

— Или, — раздался голос Рэя, и в этом «или» было столько предвкушения, что Хана внутренне напряглась. — Ты можешь дёрнуть за них прямо сейчас. Просто протяни ручку.

Мама наклонилась так близко. Одно движение — и серёжка твоя. Представь, как она качается у тебя в кулачке. Это будет славный трофей.

Коёми замерла. Её глаза перебегали с серёжки на лицо матери и обратно. Маленькая ручка дрогнула и начала подниматься.

Хана не стала спорить с Рэем. Не стала кричать, что он опять всё портит. Она просто послала Коёми самую тёплую волну, какую могла.

— Ты же любишь маму, — прошептала она. — Мама устала. Она всю ночь не спала, потому что ты плакала. Посмотри на неё. Посмотри, как она тебе улыбается. Ты же не хочешь сделать ей больно?

Ручка Коёми замерла в воздухе. Девочка перевела взгляд на лицо матери, и Юки, не подозревавшая о драме, которая разыгрывалась у неё под носом, улыбнулась ещё шире и поцеловала дочь в лоб. Ручка опустилась. Коёми вместо серёжки схватилась за мамин палец и крепко сжала его.

— Какая ты нежная, — прошептала Юки. — Моя хорошая.

Рэй выдохнул сквозь зубы.

— Вмешательство без спора, — констатировал он. — Ты даже не посмотрела на меня. Вообще. Я тут распинаюсь, предлагаю великолепный план обогащения, а ты… ты просто перебила меня теплом. Это нечестно.

Хана поправила одеяльце Коёми и промолчала.

— Знаешь, это раздражает, — продолжал Рэй. — Раньше ты хотя бы злилась. У тебя так смешно дрожали ноздри. А теперь — ничего. Ты стала как стена. Светящаяся, тёплая, тошнотворно добрая стена. Это бесит.

Хана не ответила. Но уголки её губ чуть дрогнули — и Рэй это заметил. Он не понял, улыбка это была или просто игра света, но заметил. И это взбесило его ещё больше.

На следующий день Юки ушла в магазин, оставив Коёми с Хироши. Хироши, оставшись один на один с дочерью, растерялся. Он носил её по комнате, показывал ей книжки с картинками, строил рожицы, но Коёми хныкала и тянулась к окну.

— Хочешь посмотреть на улицу? — догадался он и поднёс её к стеклу.

Коёми затихла. За окном цвела сакура, и лепестки, подхваченные ветром, кружились в воздухе, как розовый снег.

Хана парила рядом и улыбалась. В такие моменты она чувствовала почти человеческую радость — простую, тихую. Её подопечная смотрела на сакуру. Её отец держал её на руках. Мир был спокоен.

Рэй, разумеется, не мог этого вынести.

— Смотри, малявка, — зашептал он, устраиваясь в воздухе поудобнее. — Это дерево. Оно цветёт раз в год. Потом лепестки опадают, и оно стоит голое. Как твоя Светлая, когда я довожу её до белого каления. Кстати, о Светлой — ты заметила, что она сегодня слишком тихая? Ни разу не вздохнула, не закатила глаза, не сказала «ты невыносим». Тебе не кажется это подозрительным?

Хана не ответила. Она даже не взглянула на него. Вместо этого она развернулась и поплыла к кроватке. Коёми скоро должны были укладывать спать, и Хана по привычке проверяла, всё ли готово: не сбилась ли простыня, не скомкалось ли одеяльце, ровно ли лежит подушка.

Рэй проводил её взглядом. Его ухмылка, которую он старательно поддерживал, чуть дрогнула.

— Вот, смотри. Она поправляет подушку. Зачем? Подушка и так лежит ровно. Но она не может пройти мимо подушки, потому что она Светлая. Если подушка лежит неровно, Светлая должна её поправить. Это инстинкт. Это сильнее неё.

Хана двинулась к комоду, чтобы мысленно отметить, что запас пелёнок подходит к концу. Рэй — за ней.

— А теперь она смотрит на пелёнки. Видишь? Она их пересчитывает. Она всегда их пересчитывает. Сорок две. Сорок три. Я лично насчитал сорок семь, но она считает иначе, потому что её учили в Светлом мире, а там своя арифметика, неправильная.

Хана повернулась к окну, чтобы проверить, не дует ли из щели. Рэй — за ней.

— Окно. Классика. Она сейчас подойдёт к окну и подумает: «Не дует ли на Коёми?» Она думает об этом по сорок раз в день. Если бы она могла, она бы заклеила все окна в Токио. Она была бы идеальным стекольщиком. Ханой-стекольщицей. Ты бы ею гордилась.

Хана не произнесла ни слова. Она проверила окно, поправила занавеску и вернулась к кроватке.

Рэй завис в воздухе, скрестив руки на груди. Его ухмылка, которую он старательно поддерживал, начала сползать.

— Знаешь, что самое противное? — сказал он уже без шутливого тона. — Ты даже не смотришь на меня. Я тут распинаюсь, как… как не знаю кто. А ты ходишь и делаешь вид, что меня нет. Это не игнорирование, Светлая. Это пытка.

Хана наклонилась над Коёми. Девочка уже спала, и её дыхание было ровным и тихим. Она послала ей последнюю волну тепла — мягкую, как одеяло, — и выпрямилась.

— Ты закончил? — спросила она.

Рэй замер. Она впервые за несколько дней обратилась к нему напрямую.

— Нет. То есть да. То есть… — он запнулся. — Ты со мной говоришь?

— Я спросила, закончил ли ты.

— Закончил. На сегодня.

— Хорошо.

Она развернулась и поплыла к своему месту у подоконника.

— И всё?! — крикнул он ей вслед. — «Хорошо» — и всё?! А где «ты невыносим»? Где «Рэй, прекрати»? Где твои возмущённые вздохи и топанье ногой? Ты хоть понимаешь, что я без этого как без… как без…

— Как без чего? — спросила она, не оборачиваясь.

— Не знаю. Как без тьмы. Мне нужно, чтобы ты реагировала. Это часть нашего… баланса.

— Баланса? — она наконец обернулась. — Ты же ненавидишь это слово.

— Ненавижу. Но сейчас я его использую. Потому что без твоих реакций мне как-то… пусто.

Хана посмотрела на него. Потом кивнула — едва заметно, — и снова отвернулась к окну.

— Я учту, — сказала она.

— И это всё?!

— Всё.

Рэй рухнул в свой тёмный угол с видом человека, проигравшего битву. Но где-то глубоко внутри — там, где у Тёмных Проводников не должно быть сердца, — он чувствовал странное облегчение. Она заговорила с ним. Пусть на секунду, пусть холодно, но заговорила. И это было лучше, чем молчание. Гораздо лучше.

А Коёми спала. И ей снилась сакура.

Прошло два дня. Три. Четыре. На пятый день Коёми проспала всю ночь. На шестой — улыбнулась матери, впервые. Юки, увидев эту улыбку, заплакала от счастья и тут же позвонила Хироши на работу: «Она улыбнулась! Она мне улыбнулась!»

А Рэй… Рэй изменился. Хана заметила это не сразу. Сначала ей показалось, что он просто устал. Потом — что ему наскучило. Но на восьмой день тишины она поймала его взгляд — какой-то… растерянный. Он смотрел на неё так, словно впервые видел.

— Почему ты перестала? — спросил он однажды вечером, когда Коёми уже спала, а Юки с Хироши смотрели телевизор в гостиной.

— Что перестала?

— Спорить. Отвечать. Злиться. Ты всегда злилась на меня, а теперь…

— А теперь я просто делаю то, что должна.

— И тебе не скучно?

— Скучно, — честно ответила Хана. — Но Коёми спит. И Юки спит. И Хироши не ходит с серым лицом. Так что скука того стоит.

Он помолчал, переваривая.

— А мне скучно, — сказал он. — Без твоих нотаций. Без твоих «ты невыносим». Без твоего топанья ногой. Я не думал, что когда-нибудь это скажу, но… мне их не хватает.

Хана повернулась к нему. В его чёрных глазах, обычно насмешливых, сейчас стояло что-то странное. Не раскаяние. Но что-то близкое. Она ничего ему не сказала. Просто села на подоконник — своё привычное место — и стала смотреть, как сакура роняет лепестки. Рэй что-то буркнул за её спиной, но она не ответила. Не из упрямства. Просто не знала, что говорить.

С этого момента что-то изменилось между ними. Что именно — они не поняли бы, даже если бы их спросили. Просто воздух между ними стал другим.

Но война не кончилась. Хана поняла это на следующее утро, когда поймала себя на том, что ждёт его очередной колкости. Не чтобы возмутиться — чтобы ответить. Просто ответить. Просто услышать его голос. Это пугало её сильнее, чем любые сражения.

А Коёми спала. И улыбалась. И росла. И сакура за окном роняла лепестки. И в этих лепестках, кружащихся в свете уличного фонаря, было обещание. Обещание того, что однажды Свет и Тень перестанут быть врагами.

Но до этого дня ещё далеко. Очень далеко. А пока — тишина. Только ветер. Только лепестки. Только двое, которые смотрят в разные стороны, но думают об одном.

Глава 3. Трещина

К тому времени, когда Коёми исполнилось полтора года, их противостояние перестало быть похожим на шахматную партию. Оно превратилось в затяжную окопную войну без правил. Каждый день они просыпались с одной мыслью: «Сегодня я выиграю». И каждый вечер засыпали с другой: «Сегодня я проиграл».

Хана знала: не надо отвечать Рэю. Когда она молчала, когда игнорировала его колкости, Коёми становилась спокойнее. Без их споров девочка лучше спала, меньше плакала, чаще улыбалась. Хана помнила это. Знала. Но не могла сдерживаться.

Она держалась день, два, три. Сжимала зубы, отворачивалась, делала вид, что не слышит его шёпота. А потом — взрывалась. Одна неосторожная фраза, одна слишком дерзкая шутка — и всё, стена рушилась. Она срывалась на крик, топала ногой, метала молнии. И Коёми снова плакала.

— Ты вернулась, светлая, — говорил Рэй с ухмылкой, когда Хана в очередной раз выходила из себя. — А я уж думал, ты разучилась разговаривать.

— Ты невыносим.

— Я знаю. Но ты всё равно отвечаешь. Значит, тебе не всё равно.

Хана и Рэй больше не обменивались колкостями с безопасного расстояния. Они кружили друг вокруг друга, как два голодных зверя, не сводя глаз с одного и того же куска добычи — души маленькой девочки. Только для одного эта душа была полем для посева, а для другого — чистым холстом, на котором так и хотелось нарисовать что-нибудь дерзкое, неправильное, от чего у Светлой случатся нервные колики.

Квартира семьи Сато превратилась в арену невидимой битвы. Если Хана убирала с края стола острую вилку, Рэй тут же подкатывал к ножке стула стеклянный шарик, о который Коёми могла поскользнуться.

Если Хана нашёптывала девочке «погладь кошку нежно, по шёрстке», Рэй немедленно вклинивался с «а дёрни-ка её за хвост, посмотрим, какой звук она издаст».

Если Хана внушала Коёми желание собрать рассыпанные кубики, Рэй с утроенной силой внушал желание разбросать их снова, да ещё и ногой, чтобы смотреть, как они красиво разлетаются.

И Коёми металась между ними. Буквально. Она могла сидеть на ковре, окружённая игрушками, и внезапно застыть с кубиком в одной руке и ложкой в другой, и глаза её становились пустыми, расфокусированными — она не могла выбрать, чей импульс сильнее.

В такие моменты её маленькое тельце напрягалось, бровки сходились к переносице, и она начинала тихо, жалобно хныкать — не от боли, а от странного, необъяснимого дискомфорта, который не могло снять даже мамино объятье.

Юки списывала всё на «кризис полутора лет». Хироши — на режущиеся зубки. Но Хана и Рэй знали правду. Ребёнок чувствовал их войну каждой клеточкой своего существа. И эта война медленно, но верно разрывала её изнутри.

В тот день с самого утра всё пошло наперекосяк. Солнце ещё даже не выглянуло из-за горизонта, а они уже стояли друг напротив друга, разделённые детской кроваткой, и воздух между ними искрил так, что даже занавески чуть колыхались от незримого напряжения.

— Она будет есть кашу, — отчеканила Хана, сверля его взглядом. В её волосах сегодня было меньше золотого свечения — верный признак усталости и раздражения.

— Шоколадные хлопья, — лениво парировал Рэй, разглядывая свои ногти. Вокруг его пальцев сегодня вился не один, а целых три дымных колечка. Он тоже нервничал, хоть и не подавал виду.

— Каша — это полезно. Это энергия. Это здоровый кишечник, в конце концов!

— О, здоровый кишечник! — Рэй театрально всплеснул руками. — Именно об этом мечтает ребёнок в полтора года! Просыпаться и думать: «Ура, сейчас я получу свою порцию клетчатки для стабильной работы желудочно-кишечного тракта». Ты себя слышишь, Светлая?

— Не называй меня так!

— А как? Может, «Ваше Сиятельство»? Или «Госпожа Идеальный Стул»?

Коёми захныкала в кроватке. Их голоса — неслышимые для людей, но осязаемые для её тонкой, незащищённой души — проникали в сон, тревожили, пугали. Хана прикусила язык. Рэй осёкся. На секунду в комнате повисла тишина, нарушаемая только причмокиванием Коёми, которая пыталась найти во сне соску.

А потом они посмотрели друг на друга. И в этом взгляде было столько взаимной, закипевшей за полтора года ненависти, что стёкла на окнах должны были бы покрыться инеем.

— Ты её искалечишь, — прошептала Хана, и голос её дрожал не от слабости, а от с трудом сдерживаемой ярости. — Ты превратишь её в капризное, эгоистичное чудовище, которое пойдёт по головам. И всё потому, что тебе скучно. Потому что ты не способен созидать. Ты способен только разрушать. Ты — тёмный паразит, который питается хаосом.

Рэй медленно, очень медленно опустил руки. Колечки дыма вокруг его пальцев погасли. Лицо, обрамлённое чёрной чёлкой, застыло. Ни ухмылки, ни азарта. Только холод.

— А ты, — сказал он. — Превратишь её в безвольную куклу. В серую мышь, которая будет кланяться всем подряд и благодарить за пинки. Ты задушишь в ней всё живое своей удушающей, стерильной любовью. Она будет правильной. Идеальной. И абсолютно несчастной. Без единой искры. Без огня. Просто перекладной механизм из точки А в точку Б.

— Лучше быть без огня, чем с пожаром, который сожжёт всё вокруг! — Хана шагнула вперёд, сжимая кулаки. — Посмотри, что ты делаешь! Вчера она укусила того мальчика в песочнице! До крови! Она сломала его ведёрко и смеялась, пока он плакал! Это ты её научил!

— Я научил её защищаться! — Рэй тоже шагнул вперёд. Теперь их разделял какой-то метр, не больше. — Тот мальчишка первый насыпал ей песок в глаза! Она должна была стоять и терпеть? Как ты её учишь? Быть удобной? Быть жертвой?

— Можно было позвать взрослых! Можно было отойти! Можно было не отвечать агрессией на агрессию!

— Ага! И получить порцию песка в лицо на следующий день! Потому что «эту тихоню можно обижать, она всё равно не даст сдачи»! Чудесный план, Светлая! Просто великолепный!

Они кричали. Уже не сдерживаясь. Голоса — её, звенящий, как разбивающийся хрусталь, и его, низкий, вибрирующий, как басовая струна, — сталкивались в воздухе, и от этих столкновений по комнате шли волны жара и холода одновременно. Мобиль над кроваткой начал вращаться быстрее. Со стены сорвался и упал детский рисунок. Коёми в кроватке зашлась в плаче — громком, надрывном, как сирена. Но они не слышали.

— Ты думаешь, я не вижу? — кричала Хана, и из глаз её летели крошечные золотые капли — не слёзы даже, а какие-то ошмётки света. — Ты нарочно делаешь всё, чтобы она выросла жестокой! Чтобы она стала такой же, как ты! Чтобы у тебя была компания в твоей вечной тьме! Ты боишься одиночества!

— А ты! — взревел Рэй, и тени в комнате метнулись к нему, окутывая его плечи чёрным плащом. — Ты делаешь всё, чтобы она стала святой! Чтобы она отказалась от всего земного, от всех желаний и страстей! Потому что ты сама никогда не жила! Ты — пустой сосуд с фальшивым светом, ты никогда не чувствовала ничего настоящего! Ни гнева, ни страсти, ни...

Он замолчал. Но было поздно. Слова, сказанные в гневе, всегда долетают до цели.

— Чего? — голос Ханы упал до шёпота.

Рэй молчал. Он понимал, что перешёл черту. Но извиняться не собирался. Гордость не позволяла.

— Ненавижу тебя, — сказала Хана.

Она сказала это тихо. Без крика. И от этого тихого голоса Рэю стало холоднее, чем от любого ледяного ветра.

— Взаимно, святоша, — огрызнулся он, отворачиваясь.

И вот тут всё и случилось. Он повернулся к ней спиной. Этот жест — пренебрежительный, унизительный — стал последней каплей. Хана не думала. Она вообще не умела действовать импульсивно, её учили этому тысячелетиями. Он уходил. Она молча смотрела ему в спину. И в этот момент внутри неё что-то сломалось.

Она бросилась вперёд и толкнула его обеими руками в спину. Это было глупо. По-детски глупо. Они бесплотны для людей, но друг для друга — вполне осязаемы. И она хотела оттолкнуть его. Просто оттолкнуть. Выплеснуть ярость. Сделать ему хоть немного больно — физически, раз уж словами не получилось. Её ладони соприкоснулись с его спиной. И она закричала.

Это был не крик гнева. Это был крик боли. Резкой, пронзительной, невыносимой. Хане показалось, что она опустила руки не в холодную воду, а в самую суть зимы. Ледяной ожог прошил её от кончиков пальцев до локтей, а потом метнулся выше, к плечам, к шее, к сердцу. Её ладони побелели, покрылись серебристой изморозью, которая тут же начала таять, оставляя после себя красные, воспалённые отметины.

Хана отшатнулась, прижимая руки к груди, и согнулась пополам. Из её глаз брызнули уже настоящие, не золотые — прозрачные слёзы. Она дула на ладони, пытаясь отогреть их

дыханием, но дыхание вырывалось облачками пара, как на морозе. Боль пульсировала в такт сердцу: тук — ожог, тук — ожог.

— Ай... ай... — шептала она, и этот беспомощный лепет был самым ужасным, что Рэй слышал за всё время их знакомства.

Он развернулся мгновенно. Вся его напускная бравада, вся дьявольская спесь слетели с него в один миг. Он увидел её — скрюченную, дрожащую, с мокрыми дорожками на щеках, — и в его груди что-то оборвалось. Что-то тёмное, ледяное, что он считал неотъемлемой частью себя, вдруг показалось чужим и отвратительным.

— Светлая? Эй, ты чего? Ты чего?..

Он шагнул к ней, протягивая руки, но она отшатнулась назад, как от прокажённого.

— Не трогай меня! Не подходи!

— Я не... я же ничего... — он осёкся, глядя на её ладони. Красные, воспалённые, с волдырями, какие бывают от настоящего термического ожога. Только это был ожог холодом. Его холодом. Его сутью. — Тебе больно? Ты...

Он поднял взгляд на её лицо. И увидел слезу. Капля, сверкающая в утреннем полумраке, медленно ползла по её щеке, огибая скулу, и срывалась вниз, чтобы упасть на воротник её светлого платья.

Рэй протянул руку. Медленно, осторожно, как к дикому зверьку. Он не знал, зачем это делает. Его пальцы дрожали. Он хотел смахнуть эту слезу — просто стереть её, уничтожить доказательство того, что он довёл Хранительницу Света до слёз. Доказательство его чудовищности.

Его ладонь замерла, почти касаясь её щеки. И остановилась. Он не мог. Он боялся. Боялся, что одно его прикосновение сделает ей ещё больнее. Что его тьма обожжёт её сильнее. Что с него станется — с такого, какой он есть.

Рэй отдёрнул руку, будто обжёгшись сам, и отступил на шаг. Его лицо исказилось — нет, не злобой. Чем-то другим. Чем-то, что в человеческом мире называется болью.

— Прости, — выдавил он. Слово, которое он не произносил ни разу за всё своё существование. — Я не... я не хотел.

Хана ничего не ответила. Она стояла, дуя на обожжённые ладони, и смотрела на него глазами, полными слёз.

Они не разговаривали до самого вечера. Коёми, словно почувствовав, что между Хранителями наступило хрупкое перемирие, вела себя на удивление спокойно. Она поела кашу, послушно надела зелёный комбинезон и даже дала маме завязать шапку без борьбы. Юки, удивлённая такой покладистостью, решила, что они сегодня легко и без истерик, прогуляются в парк.

Парк встретил их влажным дыханием приближающейся осени. Лужи на дорожках стояли огромные, глубокие, полные отражённого неба. В одной из таких луж, как в зеркале, плавали голые ветки деревьев и кусочек бирюзового неба.

Глаза Коёми загорелись. Лужа была огромной — метра три в диаметре, — и в центре её, на маленьком островке из прошлогодней листвы, сидел воробей и чистил пёрышки.

— Мама! Вода! — завопила Коёми на весь парк.

Юки улыбнулась и уже хотела обойти лужу стороной, но в этот момент из кармана её пальто зазвонил телефон. Она взглянула на экран и поморщилась. Звонила начальница из редакции — та самая, которая требовала сдать правки ещё вчера.

— Коёми, стой здесь, — бросила Юки, отпуская детскую ладошку. — Маме надо ответить. С места ни шагу, поняла?

Коёми кивнула, не сводя заворожённого взгляда с лужи. Юки отошла на пару метров, прижала телефон к уху и тут же погрузилась в разговор — напряжённый, полный профессиональных терминов и извинений.

Хана, всё ещё молчаливая и подавленная, висела у левого плеча девочки. Рэй, понурый и необычно притихший, — у правого. Они не смотрели друг на друга.

И тут Рэй ожил. Он учуял момент. Момент, когда мать отвлеклась, когда контроль ослаб, когда можно было сделать что-то весёлое. Что-то запретное. Что-то, что выведет Хану из её скорбного оцепенения — пусть даже через гнев.

— Беги, — прошептал он, наклоняясь к уху Коёми. Его голос был тихим, вкрадчивым. — Беги в самую середину. Там здорово. Там брызги! Там фонтан! Давай!

Коёми дёрнулась, как от удара током. Глаза загорелись азартом.

— Нет! — Хана мгновенно опомнилась и бросилась к левому уху. — Стой, Коёми! Не смей! Там грязно! Там холодно! Мама будет ругаться! Тебя накажут!

Но Рэй был быстрее. Он знал, на какие рычаги давить. Хана взывала к послушанию и страху наказания. А он взывал к радости. К чистому, незамутнённому детскому восторгу.

— Смотри, как сверкает! — нашёптывал он. — Смотри, какие брызги! Представь, как весело! Ты будешь как ракета — ш-ш-ш-шух!

И Коёми побежала. Она влетела в лужу двумя ногами, подняв столб брызг, который засверкал на солнце сотней маленьких радуг. Ледяная вода хлынула в её сапожки, но она этого даже не заметила. Она хохотала. Она прыгала, топала ногами, размахивала руками, и грязные капли летели во все стороны — на комбинезон, на шапку, на лицо.

Хана зажмурилась. Ей стало страшно. Она представила, как сейчас обернётся Юки, как закричит, как схватит Коёми за шиворот, как девочка будет плакать от несправедливости наказания. И всё это из-за него. Из-за Рэя.

— Ты! — прошипела она, поворачиваясь к нему. — Ты видишь, что ты наделал?! Сейчас её накажут! Из-за твоей дурацкой...

Она не договорила. Потому что Юки обернулась. Она всё ещё держала телефон у уха, но взгляд её был прикован к дочери, которая скакала посреди огромной грязной лужи, как маленький лягушонок. Лицо Юки на секунду застыло. Хана приготовилась к худшему.

— Коёми! — крикнула Юки, и голос её был... не злым. Скорее, поражённым. — Коёми, ты что там делаешь? Ты же промокнешь!

Коёми замерла в воде. Её улыбка медленно погасла. Она посмотрела на мать, потом на свои мокрые сапоги, потом снова на мать. В глазах её мелькнуло сомнение — то самое, что посеяла Хана. «Мама будет ругаться».

Но Юки не стала ругаться. Она вдруг рассмеялась. Искренне, как не смеялась, наверное, с тех пор, как сама была ребёнком. Она быстрым шагом подошла к луже, всё ещё держа телефон у плеча, и присела на корточки.

— Ну и как? — спросила она у дочери. — Весело?

Коёми кивнула. С её волос капала грязная вода.

— Тогда давай вместе! — вдруг сказала Юки, и, к изумлению Ханы, шагнула прямо в лужу. — А ну, кто больше брызг поднимет? Раз, два, три!

И они запрыгали вместе. Юки — солидная, взрослая женщина, главный редактор отдела, мать семейства — прыгала по луже вместе со своей маленькой дочерью, и они обе хохотали как сумасшедшие. Воробей давно улетел. Прохожие оборачивались и улыбались.

Хана смотрела на это широко раскрытыми глазами. В её груди что-то дрогнуло. Она ждала наказания, а случилась радость. Она ждала слёз, а случился смех. Её картина мира, где все поступки делились на правильные и неправильные, где за каждым нарушением следовало возмездие, дала трещину. А потом она поймала себя на том, что улыбается. Что её собственные губы растягиваются, а из горла вырывается тихий, неуверенный смех.

Коёми в очередной раз подпрыгнула и чуть не шлёпнулась прямо в воду. Юки ахнула, подхватила её на руки, и они обе — мокрые, грязные, счастливые — закружились на месте, распугивая голубей.

И Хана засмеялась. Она смеялась, забыв о больных ладонях, забыв о ссоре, забыв о том, что Хранителям не положено испытывать такие эмоции. Она смеялась, потому что это было... прекрасно. По-настоящему. Неправильно, мокро, грязно и абсолютно прекрасно.

Рэй, который всё это время молча наблюдал за происходящим, перевёл взгляд на неё. Его брови поползли вверх. Он ожидал гневной отповеди. Ожидал, что она набросится на него с упрёками. Но она смеялась. Смеялась так свободно и легко, как никогда раньше. И этот смех был адресован, в том числе, и ему. Точнее, последствиям его нашёптываний Коёми.

— Вот видишь, — тихо сказал он, и в его голосе не было ни грамма насмешки. Только какое-то странное, тихое удовлетворение. — Шалости тоже могут быть весельем. Не все лужи ведут к простуде. Иногда они ведут... к радости.

Хана повернулась к нему. Она всё ещё прижимала к груди обожжённые ладони, но боль постепенно отступала, вытесняемая теплом этой сцены.

Она посмотрела на Рэя — на его бледное лицо, на чёлку, прилипшую ко лбу, на тёмные глаза, в которых больше не было холода, — и вдруг поняла то, что не могла понять все эти полгода. Он не враг. Он — другая сторона одной медали. Без его тьмы её свет не имел бы смысла. Без его хаоса её порядок превратился бы в душную тюрьму. Она не нашлась, что ответить. Просто кивнула.

И они снова замолчали, глядя, как Юки выносит упирающуюся, хохочущую Коёми из лужи, как достаёт влажные салфетки, как кутает дочь в свой собственный шарф. Солнце уже клонилось к закату, и лучи его были медовыми, тёплыми, почти осязаемыми.

Рэй искоса взглянул на Хану. На то, как золотой свет играет в её волосах. На то, как она всё ещё прижимает к груди свои обожжённые, но уже заживающие ладони.

«Тебе больно?» — мысленно повторил он свой же недавний вопрос. И сам себе ответил: «Мне тоже».

Глава 4. Прятки в песочнице

Для людей время идёт своим чередом: минуты складываются в часы, часы — в дни, дни — в месяцы. Ребёнок растёт, и это видно по одежде, из которой он вырастает, по новым словам, которые появляются в его речи.

Для тех, кто существует по ту сторону физического мира, время устроено иначе. Оно то растягивается, то сжимается. Иногда один день длится как целый год, а иногда целый год пролетает как один день.

Три года пролетели быстро. И сейчас, оглядываясь назад, Хана не могла понять, куда делись эти тридцать шесть месяцев.

Маленькая Коёми больше не была тем сморщенным комочком, что лежал на руках у обессиленной Юки. Теперь это был настоящий маленький ураган — с острыми локотками, вечно сбитыми коленками и огромными чёрными глазами.

Хана висела в воздухе над детской кроваткой, скрестив ноги, и наблюдала за тем, как Коёми пытается самостоятельно застегнуть пуговицу на кофточке. Маленькие пальчики не слушались: пуговица то и дело выскальзывала, а петля никак не находилась. Коёми хмурила бровки.

— Петлю сначала, — прошептала Хана, хотя знала, что Коёми её не услышит. — Петельку, а потом пуговку. Ну давай же…

Рэй развалился в воздухе напротив. Он издал сдавленный смешок.

— Ты серьёзно? Третий год её уговариваешь, как будто она тебя слышит.

— Она чувствует, — ответила Хана, не поворачивая головы. — Дети чувствуют нас. Не слова, но интонацию. Эмоцию. Направление.

— Ох, избавь меня от лекции по детской психологии, Светлая. Я и так знаю, что она чувствует. Холод. Азарт. Любопытство. Она хочет разобрать эту кофту на нитки, потому что ей скучно. А ты её учишь пуговицы застёгивать. Кому это надо?

Хана наконец повернулась к нему. За три года она привыкла к его голосу — всё такому же скрипучему и насмешливому. Но что-то в нём стало другим. Неуловимая перемена, которую Хана не могла описать словами. Может быть, он стал чуть тише. Чуть менее агрессивным. А может, ей просто хотелось так думать.

— Это надо Коёми, — сказала она наконец. — Это дисциплина. Терпение. Мелкая моторика, в конце концов.

— Мелкая что? — Рэй захохотал. — Ты вообще слышишь себя со стороны? Ей три года! Она хочет размазывать кашу по столу и ловить солнечных зайчиков, а не лекции о дисциплине слушать.

Хана хотела возразить, но в этот момент Коёми наконец справилась с пуговицей. Она подняла голову, огляделась, будто ища кого-то, и её губы расплылись в довольной улыбке. У Ханы внутри что-то дрогнуло.

— Вот видишь, — прошептала она.

Рэй закатил глаза.

— Поздравляю. Человечество спасено.

— Не будь занудой.

— Я не зануда. Я просто напоминаю, что человечество только что освоило сложнейшую технологию застёгивания одежды.

Хана улыбнулась.

— Она молодец. А ты просто невыносим.

— Нет, серьёзно. Сегодня застегнула пуговицу. Завтра научится завоёвывать мир.

Их противостояние за эти три года превратилось в нечто вроде затяжной позиционной войны. Никто не побеждал, никто не сдавался.

Они спорили из-за каждой мелочи: из-за того, какую кашу есть Коёми на завтрак, из-за того, в какой парк идти гулять, из-за мультиков, из-за одежды, из-за всего на свете. Но была одна вещь, в которой они сходились, сами того не замечая: оба привязались к девочке.

Хана любила Коёми той чистой, жертвенной любовью, какой ангелы любят все живые существа. Она видела в ней потенциал, видела будущее, полное света, и готова была положить все свои силы на то, чтобы этот потенциал раскрылся.

А Рэй… Рэй, хоть и не признавался в этом даже самому себе, тоже привязался. Его забавляла эта бойкая девчонка с вечно растрёпанными волосами и упрямым характером. И иногда, очень редко, когда никто не видел, он нашёптывал ей не только пакости, но и полезные вещи. Например, как спрятать за щекой невкусное лекарство. Или как убедить папу купить мороженое.

Но сегодня был особенный день. Сегодня Коёми впервые шла в детский сад. Солнце висело над крышами Токио, разливая по улицам мягкое сентябрьское тепло. Лето ещё не сдало позиции, и воздух пах одновременно осенней листвой и нагретым асфальтом — тот самый запах, который в Японии называют «сансаи», запах смены сезонов.

Коёми вышагивала по тротуару, крепко вцепившись в мамину руку. На ней красовалось новое платье — ярко-жёлтое, с вышитым на кармане утёнком, — и белые гольфы, которые она уже успела испачкать, зачем-то забравшись в придорожные кусты.

— Коёми, ну сколько можно, — вздохнула Юки, отряхивая дочь. — Ты же девочка. Девочки так себя не ведут.

Коёми подняла на мать невинные глаза, и в глубине этих глаз мелькнула хитринка.

Хана, парящая за левым плечом девочки, укоризненно посмотрела на Рэя. Тот сделал вид, что рассматривает облака.

— Что? — невинно отозвался он. — Я всего лишь сказал, что в кустах живут интересные жуки.

— Ты неисправим.

— Спасибо, я старался.

Детский сад «Хикари» встретил их яркими стенами, выкрашенными в пастельно-жёлтый, и маленькими разноцветными шкафчиками в раздевалке.

Воспитательница присела перед Коёми на корточки и протянула ей бумажную наклейку с кроликом.

— Добро пожаловать, Коёми-тян. У нас сегодня день знакомства. Хочешь поиграть с другими детками?

Коёми молча кивнула, но пальцы её крепче сжали мамину ладонь. Юки присела рядом, что-то прошептала ей на ухо, и девочка нехотя разжала пальцы.

Хана почувствовала, как сердце Коёми забилось чаще. Тук-тук-тук — маленькое, напуганное, но смелое сердце. Она подалась вперёд и легонько коснулась плеча девочки, посылая волну тепла. Коёми вздрогнула, будто от внезапного уюта, и её плечи чуть расслабились.

— Умница, — прошептала Хана. — Всё будет хорошо. Я рядом.

Рэй в это время осматривал помещение. Его взгляд скользил по игрушкам, по цветным коврикам, по развешанным на стенах детским рисункам.

— Ну и тоскливое же место, — прокомментировал он. — Ни одного тёмного угла. Даже спрятаться негде.

— Тебе обязательно везде искать проблемы?

— Я не ищу. Я их вижу. Это моя работа.

Коёми тем временем оказалась в групповой комнате, полной детей. Кто-то уже увлечённо собирал конструктор, кто-то катал машинки, кто-то рисовал за низеньким столиком.

Воспитательница подвела Коёми к песочнице — большой, наполненной чистым, чуть влажным песком, — и предложила лепить куличики.

Коёми замерла. Хана видела, как в её душе борются два импульса: один — привычный, светлый, подталкивающий к созиданию; второй — острый, любопытный, заставляющий оглядеться в поисках чего-то более интересного.

Рэй молчал. Но Хана знала: он тоже это чувствует. Он тоже смотрит на эту развилку и ждёт, какой путь выберет девочка.

И Коёми выбрала. Она взяла лопатку, набрала полную горсть песка и звонко шлёпнула ею по самому высокому куличику, который только что старательно построил мальчик по имени Син.

Песок разлетелся фонтаном. Мальчик замер с открытым ртом. Его голубые глаза наполнились слезами. Он смотрел на руины своего замка, который он возводил последние десять минут, — и не мог поверить, что кто-то мог так просто, так безжалостно его разрушить.

Коёми хихикнула.

— Коёми! — голос воспитательницы прозвучал строго. — Так нельзя! Извинись перед Сином.

Коёми склонила голову набок, будто не понимая, что она сделала не так. Хана за её спиной замерла. Рэй за её спиной довольно хмыкнул.

— Ты, — прошептала Хана, не оборачиваясь. — Это был ты.

— Да брось, — отозвался Рэй, и она почувствовала, как он пожимает плечами. — Я лишь сказал, что куличики — это скучно. А что с ними делать — она сама придумала.

— Ты её подтолкнул!

— Поверь, если бы я её подталкивал, она бы не просто куличик развалила. Она бы его съела.

Хана стиснула кулаки. Ей хотелось развернуться и ударить его — впервые за три года. Хотелось закричать. Но она знала: здесь, в окружении людей, любое проявление их сил может обернуться катастрофой. Хранители не должны вмешиваться в физический мир напрямую. Их оружие — нашёптывание, внушение, тонкая игра на струнах души. И если она сейчас даст волю гневу, Коёми может пострадать. Поэтому она сделала глубокий вдох и сосредоточилась на девочке.

Коёми всё ещё стояла перед плачущим Сином, и её улыбка медленно угасала. Она не понимала, почему взрослые так сердятся. Она всего лишь сделала то, что ей хотелось. Это было весело. Песок так красиво разлетелся… Но где-то внутри, в самой глубине, шевельнулось неприятное чувство. Стыд? Вина? Раскаяние? Коёми не знала этих слов, но чувство знала. И оно ей не нравилось.

— Извини… — пробормотала она, глядя в пол.

Син всё ещё хлюпал носом, но кивнул.

А Хана выдохнула. Она видела эту крошечную искру — искру сожаления. И она знала, что эту искру зажгла не она. Её зажгло что-то в самой Коёми. Что-то, что было сильнее и тёмных нашёптываний, и светлых внушений. Что-то, что делало её человеком. И это была победа. Маленькая, почти незаметная, но победа.

— Один-ноль в мою пользу, — тихо сказала Хана.

Рэй не ответил. Но она почувствовала, как температура вокруг него упала на градус. Он злился. И, как ни странно, эта злость грела ей душу.

Последующие часы прошли относительно спокойно. Коёми и Син даже немного поиграли вместе — правда, уже без помощи Хранителей.

Юки забрала дочь после обеда, и всю дорогу домой Коёми что-то увлечённо рассказывала, размахивая руками. Её речь ещё была путанной, обрывочной, но Юки слушала с улыбкой.

И, глядя на эту картину, Хана почувствовала нечто похожее на тоску. Она не была человеком. Никогда не была. У неё не было матери, не было детства, не было такого простого счастья — идти по тротуару и рассказывать кому-то, как прошёл день. Она всегда была Хранителем — сущностью, существующей исключительно для служения. Для проведения душ. Для поддержания баланса.

И это было последнее её задание. Последняя душа, которую она должна провести.

А что потом? Перерождение. Новая жизнь. Смерть, новая жизнь, снова смерть — бесконечный цикл, из которого нет выхода. Или есть, но такой узкий, что в него протискиваются единицы.

Она покосилась на Рэя. Тот летел чуть позади, засунув руки в карманы своего неизменного кителя. Его лицо было непроницаемым.

— Ты тоже об этом думаешь? — спросила Хана.

— О чём?

— О том, что это последний раз. Что после неё — всё.

Рэй долго молчал. Так долго, что Хана уже решила, что он не ответит.

— Постоянно, — наконец произнёс он, и в его голосе не было обычной насмешки. — Каждую секунду.

Они больше не говорили до самого дома. Ночью, когда Коёми уже спала в своей кроватке, а Юки с Хироши пили чай на кухне, Хана сидела на подоконнике детской и смотрела на луну.

Луна была почти полной — до полнолуния оставалось дня три, — и её серебристый свет заливал комнату, делая знакомые предметы чужими и загадочными. Игрушечный мишка на полу отбрасывал длинную тень. Мобиль над кроваткой беззвучно вращался, хотя батарейки в нём давно сели — это Хана завела его лёгким касанием, зная, что Коёми лучше спится под мерное кружение разноцветных зверюшек.

Рэй сидел на другом конце подоконника, скрестив ноги. Он не смотрел на луну. Он смотрел на спящую Коёми.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он вдруг.

Хана повернула голову. Он редко начинал разговор первым — обычно она была инициатором, а он лишь огрызался в ответ.

— Что?

— Я не помню своих прошлых подопечных. Вообще. Были какие-то… тени. Силуэты. Я знаю, что выполнил девять заданий, но не могу вспомнить ни одного лица. А её, — он кивнул на кроватку, — я запомню. Даже после перерождения. Мне кажется, я её буду помнить.

Хана хотела ответить, но не нашла слов. Потому что чувствовала то же самое. За три года Коёми перестала быть просто «заданием». Она стала… родной. Близкой. Даже для Рэя, который никогда не признавал за собой способности к привязанности.

— Это плохо, — продолжил он. — Для нас. Для нашей работы. Мы не должны привязываться.

— Может быть, — тихо отозвалась Хана. — А может быть, в этом и есть смысл. Привязаться к кому-то настолько, чтобы захотеть стать лучше.

Рэй фыркнул, чтобы скрыть, как на его губах промелькнула улыбка.

— Ох, Светлая, — протянул он. — Ты бы ещё стихи начала читать. Про любовь и радугу.

— А ты бы не слушал?

— Слушал бы. И смеялся.

Хана улыбнулась. Что-то в их странной перепалке было уютным. Как старое одеяло, которое пахнет домом.

Луна продолжала лить свой холодный свет. Мобиль кружился. Коёми во сне причмокнула губами. Где-то далеко, на другом конце города, прогудел поезд.

А Хана и Рэй сидели на подоконнике и смотрели на луну, думая об одном и том же. О маленькой девочке, которая изменила их вечность. О том, что её жизнь конечна, а их — нет. И о том, насколько это несправедливо.

Когда рассвет размыл ночную синеву, Хана встала с подоконника и подошла к кроватке. Коёми спала, раскинувшись звёздочкой — одеяло сбилось в ногах, волосы разметались по подушке, одна рука свесилась вниз. Она поправила одеяло, и её пальцы на секунду задержались над детской ладошкой. Свет, исходящий от её кожи, мягко окутал кулачок Коёми улыбнулась во сне.

— Что ты ей внушаешь? — Рэй подошёл сзади, бесшумно, как всегда.

— Ничего. Просто тепло.

— Тепло — это тоже магия. Самая сильная.

Хана обернулась. Он стоял ближе, чем обычно, и она видела в его чёрных глазах странное выражение — не злое, не насмешливое, а какое-то… усталое. Человеческое.

— Рэй, — сказала она, и её голос дрогнул. — Что с нами будет? После неё?

— Перерождение, — пожал он плечами. — Ты родишься кем-нибудь скучным. Например, библиотекарем. А я — рок-звездой. Или бродячим котом. Ещё не решил.

— Ты понимаешь, о чём я.

Он понимал. Он понимал, что их связь — невидимая нить, протянувшаяся от одного плеча Коёми к другому, — стала чем-то большим, чем просто вынужденное соседство. Что за три года их души притёрлись друг к другу, как два камня, которые река несёт в одном потоке. Что они уже не просто Хранители, выполняющие задание, а нечто большее. Что-то, чему нет названия в языке ни ангелов, ни демонов.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Может, и не будет никакого «после». Может, мы все перемелемся в жерновах перерождения и забудем друг друга. Это самый вероятный сценарий.

— А может, — тихо сказала Хана, — быть другой сценарий?

Их глаза встретились.

В комнате засветило солнце — косые лучи ползли по паркету, золотили пылинки, делали стены тёплыми. Где-то внизу, во дворе, залаяла собака. Хлопнула дверь подъезда. Город просыпался, шумел, дышал.

А двое Хранителей стояли у детской кроватки и молчали. Молчание было долгим, но никто не хотел его нарушать. Потому что любое слово, сказанное сейчас, могло изменить всё.

Первым, как всегда, сдался Рэй.

— Ладно, Светлая, — он взлохматил волосы привычным жестом. — Хватит философии на сегодня. Наша подопечная просыпается через полчаса. У неё по плану лепка из пластилина и попытка его съесть. Советую подготовиться.

Хана рассмеялась — негромко, но искренне.

— Ты меняешься, — сказала она.

— Не дождёшься, — парировал он, и в его голосе снова зазвучала та самая противная ухмылка, которую Хана так хорошо знала. Но теперь ей казалось, что за ухмылкой прячется что-то ещё.

Он направился к своему любимому месту — тёмному углу за шкафом, где всегда висела лёгкая дымка прохлады, — но на полпути замер.

— Хана.

Она вздрогнула. Он впервые назвал её по имени. За три года — ни разу. Только «Светлая», «Зануда», «Эй ты» и ещё с десяток прозвищ, звучавших по-разному в зависимости от его настроения. Но чтобы по имени — такого не было.

— Да?

Рэй помолчал. Потом ухмыльнулся через плечо.

— Ничего, — сказал он. — Просто проверял, отзываешься ли.

И исчез в тенях. Хана осталась одна. Сердце её — то незримое сгущение света, что заменяло ей сердце, — билось гулко и часто. Впервые за три года он назвал её по имени. И впервые за три года она поняла, что ждёт от него большего, чем просто перепалки.

Впрочем, думать об этом было некогда. Коёми пошевелилась в кроватке, заворочалась, и через пару минут комната наполнилась детским лепетом и смехом.

Хана привычно зажгла в себе тепло и поплыла к плечу девочки, готовая сопровождать её в ещё один день. День, полный песочниц, пластилина и новых испытаний. Из угла за шкафом донёсся тихий смешок.

— Доброе утро, малявка, — прошептал голос, отдающий палёным сахаром. — Сегодня у нас великие дела. Научимся рисовать на обоях.

— Рэй! — шикнула Хана.

— Молчу, молчу.

Коёми захихикала, будто услышав их обоих, и её смех наполнил комнату.

И пока Юки на кухне варила утренний рис, пока Хироши спешно завязывал галстук, пока солнце поднималось всё выше, заливая Токио золотом и мягкой сентябрьской негой, двое Хранителей начали свой четвёртый год у плеч одной маленькой девочки.

Впереди их ждала долгая дорога. Споры, слёзы, случайные касания, украденные взгляды. И однажды — единственный поцелуй, от которого расколется реальность.

Но это всё потом. А пока — песочница. Пластилин. И урок терпения, которого обоим так не хватало.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.